

Исповедь больного человека или о том, откуда берется шизофрения

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»)

www.literatur-viktor-prieb.de)

«У меня за пятнадцать лет научной работы до крайности развилась профессиональная болезнь. В простонародье она называется здравомыслием и с нею успешно борются – тем более, что она не заразная. У меня она проявляется в том, что любой, оказавшийся в поле моего зрения предмет тут же подвергается в моей голове логическому анализу и синтезу.

Этот инструментарий в меня вложили в многолетнем образовательном процессе, я его усвоил и за это получаю даже хлеб свой насущный, когда применяю его в науке.

Но это, когда в науке, а вот когда в обычной жизни – это уже болезнь! В этом меня постоянно убеждают во всех магазинах, во всех конторах, где мне приходилось бывать, и даже во всех ненаучных подразделениях нашего научного института. Они прямо так и говорят мне: «Ты что, больной что ли?», если я, например, марширую в мясной магазин и с моей больной логикой прошу продать мне кусочек мяса.

А началось все это, еще в мои юные научные годы, с кондукторов в общественном транспорте, которые поставили себе главной задачей разделить на части, обругать и унижить любого пассажира еще до того, как он умудрится в вечной давке вытащить из кармана штанов мелочь и купить у них билет.

После пары бессмысленных, но болезненных попыток осведомиться у кондукторов о логике их поведения и подсунуть им мою принципиальную предпосылку невиновности я хотел уже тогда – сгоряча – даже покончить с наукой и пойти в дворники.

К счастью, ввели вскоре в общественном транспорте вместо кондукторов кассы и компостеры. С тех пор, признаюсь, я всегда незаметно поглаживаю стальной зев этого недооцененного человеческого изобретения, когда вкладываю в него проездной талончик – просто так, в память о моем тогдашнем горячем, юношеском порыве.

Воодушевленный этой улыбкой судьбы, я все же остался в науке, но развил с тех пор стратегическую защитную систему. Я свел все конторы до минимума, который только позволяет – без утраты общей жизнеспособности – их максимум.

Поскольку потребление товаров трудно было свести к минимуму меньше того, который и без того предлагался в магазинах, то на этом я и сконцентрировал отныне мои силы и мое – между делом средних лет – здоровье, которое я – из соображений его сохранения – и по сей день еще не решаюсь поправлять ни в каких медицинских учреждениях.

Наиболее просто оказалось с потреблением прессы. Я просто выключил ее волевым усилием из моего поля зрения, и синдром раздвоения личности – главный синдром моей профессиональной болезни – быстро пошел на убыль.

И так шло все ничего, если не учитывать внутренних проблем, где моя жена больше меня от моей профессиональной болезни страдает, но тут снова беда.

В последнее время пытаются все мои друзья, наслышанные о моей болезни, меня убедить, что пресса нынче пошла совсем не та, что она не то что не раздваивает и не расстраивает цельные личности, а даже наоборот – пытается из бывших раздвоенных и расстроенных личностей сделать снова цельные.

Я – поднаторевший в жизненных делах и вооруженный моей защитной системой человек, да еще и дока в деле «анализа-синтеза» – туда-сюда поприкидывал и решил: на слово никому не верить, всю прессу на себя не напускать, а испытать только нашу местную газетенку.

Надо признаться, что без нее я особенно страдал – там же телепрограмма на всю неделю печатается. А без этой программы при моей защитной системе – просто нож острый. Я ведь тогда решил по телевизору тоже только боевики и детективы типа «Иронии судьбы» или «С легким паром» потреблять, а без программы это оказалось совсем невозможным – включишь телевизор не тогда и не туда, так сразу и раздвоился. Еще хуже, если попытаешься программу в радио подслушать – вообще сразу весь расстроишься.

Короче, решил я свой инструментарий к какому-нибудь рядом стоящему вопросу применить и результаты моего анализа подсунуть нашей газете. Дальше мой план понятен – услышу снова «Ты что, больной что-ли?», живу дальше, как жил.

Увы! Увы! Жизнь показала мне насколько упростились мои представления после длительного пользования моей оборонительной системой. Газета – не продуктовый магазин, это целый комбинат питания, где кормят румяными и сдобными пышками, выпеченными нечистоплотными пекарями в чаду и угаре кухонной атмосферы из того суррогата, который удается раздобыть в общественной мусорной свалке. В общем влип я в детектив!

Вопрос для анализа тут как тут – преподаваемый у нас в институте Академией наук урок демократии. Мы – как ученики демократии – должны целый рабочий день заседать и со всех сторон обсуждать пять кандидатов, которые изъявили желание стать нашими директорами. А «действительные члены» – как учителя демократии – должны когда-нибудь потом собраться вместе и собственноручно выбрать для нас нашего директора, с тем чтобы мы лучше поняли, как это вообще правильно делается.

Ну именно этот нюанс с членами я анализировать не стал, поскольку я в этой конторе работаю и в ней прослыть больным человеком мне ни к чему. Они мне тогда ни пенсии по нетрудоспособности не дадут – такой болезни, как у меня, у них в реестре почему-то не значится – ни, вообще, дальше в науке работать.

Хватило уже того, что мы у себя в институте за весь день наобсуждали. Правда, когда я после собрания узнал, что на нем присутствовал корреспондент этой газеты, то подумал:

– Ну все! Похоже придется теперь другой вопрос для моего эксперимента искать.

Но потом позвонил в редакцию и спросил про статью корреспондента о нашем собрании. Мне ответили:

– Ее еще нет и неизвестно будет ли.

Тогда я предложил им мой тестовый вариант. Там, подвоха не чуя, говорят:

– Почему нет? Давай, тащи свою статью – будем поглядеть!

Тогда, окрыленный этим, я сел и написал следующую статью:

*

«Выборы-не-выборы» или о «политике спокойной руки», о «кормушке», «поголовье» и «механизаторах от колеса»

«Динамическое развитие академической науке в нашем городе происходит на фоне еще более динамического процесса социальных, экономических и политических изменений во всей стране – на фоне Перестройки.

Я бы охотно сказал «на фоне и в фарватере Перестройки», но это принципиальный вопрос и, чтобы такое сказать, требуется серьезный анализ. После такого анализа надо еще и указать пункт времени, к которому был сделан этот анализ, как это положено при сравнении двух динамических процессов.

Такой анализ можно провести на примере выборов кандидатов для рекомендации на пост директора нашего исследовательского института. Такое сложное определение означает всего лишь, что коллектив института только рекомендует своих кандидатов, выражая им вотум доверия, а общее собрание Академии наук проведет потом собственно выборы – «выборы-не-выборы», так сказать.

Институт стал здесь, в регионе, печально известен своими скандальными, опубликованными в прессе историями. Это говорит о том, если не вдаваться в детали, что в нем существует много внутренних проблем, которые необходимо решать, но которые не решаются и поэтому все дальше углубляются и обостряются. С такой предысторией и шел коллектив института на эти «выборы-не-выборы», которые длились больше десяти часов. Это был плебисцит – общее собрание всех сотрудников, которое осталось, как хороший роман, без однозначного финала.

Но одно было все же достигнуто, а именно: собрание дало всем участникам понять, что проблемы института заключаются не в единичных интригах и природной неуживчивости ученых между собой, а что они гораздо сложнее, гораздо глубже и гораздо масштабнее. В этих проблемах находят отражение проблемы всей нашей науки и даже проблемы всего нашего общества, необходимость решения которых и вызвала к жизни Перестройку.

Это собрание показало процентное соотношение между двумя силами. Одну представляют собой те, кто видит решение проблем прежде всего в изменении хозяйственных отношений в институте и предлагают конкретные концепции и программы для этого. Такие, например, как консолидация многообразных и почти не связанных друг с другом научных тем, повышение творческой инициативы ученых путем устранения администрирования их научной работы, гарантирования их независимости и самостоятельности, финансирования на конкурентной основе только обещающих успех тем и так далее.

Вторая сила характеризуется тем, что ее представители забарикадировались в глухой обороне и не хотят видеть за раздуваемыми успехами нарастающих проблем или спешат свести эти проблемы к единичным

склокам. Политика «спокойной руки» то есть. По принципу: нет опознаваемых проблем – нечего и решать. Естественно и хорошо известно для такой позиции, размалевывать много розовых и глобальных перспектив, а также предлагать громкие призывы и лозунги, вместо конкретных решений и программ.

Таким образом, эти «выборы-не-выборы» свелись все-таки к выборам за Перестройку, демократизацию, оживление хозяйственных и социально-политических отношений, с одной стороны, и против всего этого – за сохранение старых, отживших, сталинистских административно-командных методов управления с их акцентом на пробивную способность, а не на способность экономически думать и решать, с другой стороны. Результат показал, что первая сила проиграла с соотношением голосов в процентах: сорок к шестидесяти.

Попытаемся понять, кто и что стоит за этими процентами и что должны были бы учесть демократические кандидаты в их предвыборной борьбе.

За пять прошедших со дня основания института лет сформировалось ядро сотрудников, которые получили от государства и Академии наук «кормушку», наполненную квартирами, лабораторными площадями, финансированием научных тем и высокими ставками. Несмотря на, казалось бы, понятные и объективные причины этих благодеяний, они подавались со стороны администрации и принимались со стороны этого «ядра» как результат пробивной силы директора.

Может быть пробивная сила директора и играла при этом какую-то роль, но тут уместно добавить «к сожалению», поскольку это только деморализует людей и уж во всяком случае не стимулирует эффективность их работы и экономически разумные отношения на предприятии, если благополучие сотрудников зависит не от их производительности, а от какой-то сверхестественной пробивной силы начальника и великодушия государства.

Главная «заслуга» пробивного директора состояла при этом только в том, что он эти выделенные не для кого-то лично, а для института в целом – для его скорейшего становления и развития – блага превратил в «кормушку» для «ядра», которое находилось и находится под эгидой и руководством директора. Об этом говорилось на собрании, и вопрос одного из руководителей из «ядра», в чем конкретно состоят их привилегии, имел с очевидностью больше риторическое значение.

Размеры любой «кормушки» ограничены, но размеры института, не взирая на это и вопреки этому, росли дальше. Рост был быстрый и больше количественный, чем качественный – безо всякого отбора специалистов под уже сложившуюся и оправдавшую себя или запланированную тематику, что само по себе было бы только разумным и гарантировало бы рост эффективности научной работы. Это соответствовало бы также державным интересам и стоящим перед институтом задачам.

Но это требовало бы также известных усилий и длительного времени, что затянуло бы формальную стадию формирования института, а это было вовсе не в интересах директора. Он претендует в сложившихся обстоятельствах на роль крупного организатора науки.

Эта роль поощряется в нашем государстве – к сожалению, надо снова добавить – членством в Академии наук и поэтому подменяет зачастую роль

просто крупного ученого, за которым стоит не многочисленный коллектив, а какая-то, если и небольшая, но утвердившаяся на высоком научном уровне, научная школа.

В этой ситуации вновь пришедшим сотрудникам директором была отведена подходящая его целям роль примитивного «поголовья». Им уже не хватало больше ни квартир, ни площадей и оборудования, то есть места у «кормушки». Ничего, кроме голых и в основном скудных ставок, но зато много щедрых посул директора.

От них не так много и требовалось – ни научной или еще какой бы то ни было продуктивности, кроме той, возложенной партией испокон веков на ученых – ввиду недееспособности колхозов – обязанности, исполнять сельскохозяйственную сезонно-принудительную работу. От них по молчаливому соглашению требовалась только лояльность по отношению к администрации, то есть тихо сидеть, представлять собой «поголовье» и ждать теперь уже в порядке очереди – время же все равно проходит – обещанных им благ.

Как «ядро», так и «поголовье», хотя конечно же не все из них, представляют собой тех самых «механизаторов от науки», которые оплачиваются не за их результаты, а «от колеса» и, соответственно, упорно сопротивляются – точно так же, как партийные функционеры и администраторы времен застоя – любым социальным и экономическим реформам.

Эти силы сопротивления определил четко и ясно Горбачев руководителям средств массовой информации на их встрече. Очень своевременное и уместное определение, поскольку мы действительно ополчились на руководящие кадры и забыли при этом, что никакие административные кадры не смогли бы организовать сколь-нибудь серьезного сопротивления начинающейся демократизации без развращенных экономически и обработанных идеологически масс. Не только кадровые работники на стороне директора, а шестьдесят процентов голосовавших сотрудников нашего института высказались против любых перемен в нем!

Но что же и кто определяет сорок процентов голосов за демократических кандидатов? Здесь можно не увлекаться умозаключениями, поскольку эти сотрудники выступали открыто как в предвыборной борьбе, так и перед собранием, тогда как шестьдесят процентов сидели молча и глухо.

Только однажды пронесся ропот недовольства среди этих глухо-немых в зале, когда председательствующий между делом заметил, что один из высокопоставленных членов Академии высказался за одного из наших демократических кандидатов. Конечно председательствующий допустил тут со своим замечанием процедурную оплошность, но право же не такую уж достойную этого ропота и принципиально повлиявшую на исход выборов оплошность.

Вряд ли смутило это обстоятельство избирателей с принципами. Это смутило именно тех, кто сплотившись вокруг «начальника кормушки» с его мнением, услышали, вдруг, альтернативное мнение более высокого начальника той же «кормушки». О каких принципах может быть тут речь! Этот ропот напоминал дребезжание флюгера, подвергнувшегося резкому порыву бокового ветра.

К этим сорока процентам наверняка принадлежат физики-теоретики, которых исторически – по времени образования института – можно было бы скорее отнести к «ядру», но профессиональная специфика которых привела их все же к более гражданской позиции. Эта специфика не допускает работы без творческой инициативы и в условиях, при которых фундаментальные исследования полностью заадминистриваны и находятся в загоне.

Из «поголовья» сюда однозначно вошли те «дикие», которые пришли в институт уже зрелыми учеными с собственными научными темами и опытом научных исследований, а также с достаточным для реализации этих исследований потенциалом и которые не позволили себя усмирить. Естественно, они не были согласны с отведенной им ролью «поголовья» и пытались использовать их потенциал и найти общность их тем с научной тематикой института, обширность которой легко – с научной точки зрения – позволила бы это сделать.

Но это с научной. С житейской же это означало бы допустить этих «диких» новичков к «кормушке», что могло бы грозить перехватом инициативы, а значит отторжением от «кормушки» прежних ее членов, что опять же в глазах «ядра» было бы уж совсем недопустимо.

Вследствие этих господствующих не только в науке отношений и этой логики, никакие научные семинары, никакие ученые советы не способны и не стремятся к тому, чтобы оспорить личное мнение какого-то носителя жезла у «кормушки» в том или ином научном направлении, опровергнуть его в продуктивной дискуссии и тем самым заложить новое, более эффективное направление. Всемирно известным, трагическим следствием таких культурно-личностных отношений является Чернобыль, если вспомнить научную предысторию этой атомной катастрофы.

Теоретики и «дикие» все же не составляют большинства этих сорока процентов. Большинство и здесь принадлежит какой-то части массы. Этот факт утешает и обнадеживает на грустном фоне в общем и в целом безутешного результата этих забавных «выборов-не-выборов».

Хочется надеяться, что в этой части массы находится наша научная молодежь, которая не имеет сейчас ни малейшего шанса для научного роста, но которая не позволит лишиться себя ее творческой силы, любопытства и научной ярости ни с помощью «кормушки», ни с помощью отведенной им директором роли «поголовья».

Некоторые альтернативные программы призывали перед собранием к использованию творческой силы молодежи, но не были услышаны. Если уж вся страна, согласно призывам Горбачева, стоит перед необходимостью использования творческой инициативы масс, то это просто дурдом, голосовать «за» или «против» применения творческой способности и инициативы ученых в академическом научном институте!

Сейчас, пожалуй, эти сорок процентов избирателей даже рады тому, что это были все-таки «выборы-не-выборы», а не настоящие выборы и что все еще есть надежда на разумное решение в Академии наук. Надежда на решение «сверху» – вот так демократия!

Спаси нас Бог, провести правильные выборы во всем нашем обществе, в котором действуют те же самые «кормушечные» отношения как для всего

административного аппарата, так и для зарабатывающих от колеса механизаторов.

Если выйдет новый избирательный закон, о котором говорил Горбачев на той же встрече с руководителями средств массовой информации и который, в отличие от наших «выборов-не-выборов», обещает нам свободные и демократические выборы, то меня после этого пережитого среди ученых демократического опыта заботит одно – как бы мы не выбрали себе добровольно, по нашей глупости или своекорыстию, какое-нибудь реакционное правительство, как это произошло недавно в Чили.

Чтобы этого не случилось и чтобы иметь от демократии прогресс, необходимо еще много учиться демократии! Даже ученым, как показывает этот опыт. Преимущества демократии должны быть поняты массой и должны быть убедительны для нее. Иными словами – демократия требует борьбы за умы и души людей массы, но честной и принципиальной борьбы.

Этой борьбы не случилось в нашем институте ни перед собранием, ни во время него. Тем более опыт этих выборов и его анализ должны помочь обходиться с демократией в будущих демократических боях – и не только в нашем институте, но и во всей стране – осторожно и мудро и все время учиться ей дальше. Для этого любой, даже небольшой и неудачный демократический опыт должен обобщаться для широкой публики и становиться ее демократическим достоянием.»

*

*Продолжение «исповеди больного человека» или о
средствах массовой информации и о дворничестве*

Когда статья уже написалась, и я ее с удивлением прочитал, то подумал:

– Ах ты, мать твою! Тут простым тестированием газеты и не пахнет. Тут воняет чем-то гораздо худшим. Может так получиться, что и шестидесятипроцентное большинство и сорокапроцентное меньшинство моих коллег, которых я на самом деле даже где-то люблю, не говоря уже об администрации института, могут мне заявить: «Ты что, больной что ли?». К тому же и того хлеба насущного могут лишить и ведь опять же за то, за что мне его до этого давали – за профессиональную способность анализировать!

Две ночи и день между ними не сплю – обсуждаю с моей женой различные варианты дворничества. Пришедшая в отчаяние жена и мое обоснованное сомнение берут иногда верх и я уже не хочу тащить статью в редакцию. Но тут все одно к одному и, как всегда, все в один раз. Я же начал время от времени в газету и в телевизор поглядывать, а там все те же проблемы.

Заглянул раз в одну газету – Горбачев анализирует политическую обстановку в стране на встрече руководителей средств массовой информации (я тогда еще не знал, что главный редактор нашей газеты пребывает в это время где-то в отпуске и про эту встречу ничего не знает). При этом мои выводы очень похожи на выводы Горбачева, особенно что касается «механизаторов от колеса».

Читаю дальше и замечаю с озабоченностью, что Горбачев новый закон про настоящие свободные выборы подготавливает, чтобы дать нам право нашим большинством голосов его снова и теперь свободно выбрать. Для меня сейчас

Горбачев, как свет в далеком окошке для уставшего путника, и при моей болезни последняя надежда, жить когда-нибудь без раздвоения личности.

Я прикидываю к нашему большинству всех этих «механизаторов от колеса», всех от «кормушки» да еще уже давно все больше размножающихся, так называемых, «воров в законе» по всей стране и вижу – никак нельзя это дело на самотек пускать. Я вижу себя, ввиду всего этого, сильно обязанным нести все же мою статью – если даже как собственный крест! – в редакцию и остеречь честной, невинный народ.

Смотрю другой раз в газету – снова то же самое, как-будто сговорились все меня расстроить, раздвоить и озаботить – в Чили плебисцит провели и народ теперь сам и свободно выбрал своего кровавого диктатора с соотношением голосов почти «фифти-фифти». Теперь одна «фифти» на другую кулаками машет. У нас-то вообще правило, после драки кулаками не махать (как раз с помощью этой мудрости хотел меня и главный редактор потом урезонить).

Этот Пиночет мне самому всю жизнь испортил: я женился, а он свой переворот устроил. Я тогда подумал:

– Ну, хорошо, потерплю маленько это мрачное соседство по судьбе – все равно продлится не долго.

Длилось потом пятнадцать лет и я к этому привык – человек же ко всему привыкает, но его потом еще свободно и выбрать! Это уже переходит, на мой вкус, все привычные границы!

Подправляю немного статью, прямо сославшись на эти события в стране и за рубежом (эти места были потом в редакции приняты, вероятно, за претензию на похожесть взглядов Вождя партии на мои взгляды на проблемы и поэтому как нескромные вычеркнуты), и несую ее в редакцию. Оставляю им также свой телефон.

На следующий день звонит мне корреспондент – начальница отдела пропаганды, как выясняется, которая должна была быть на нашем собрании, и рассказывает мне, что вот, мол, читает она как раз мою статью и находит ее в некоторых местах очень похожей на ее собственный корреспондентский отчет о нашем собрании. Я, громко радуясь, отвечаю:

– Ну, ясно, речь-то идет, в конечном итоге, об одном и том же материале! – а сам про себя тихонько думаю:

– Черт побери! Значит все же выйдет статья, раз даже у начальницы отдела пропаганды такой восторг в голосе звучит.

Я-то в тайне все же надеялся, когда нес статью в редакцию, что ее – не важно из каких там соображений – все равно, как всегда, не напечатают, и мне не придется идти в дворники, да еще и на газеты тратиться, как это было предусмотрено в начале всей этой истории.

Так у нее прямо и спрашиваю про это:

– Я Вас правильно понимаю, что моя статья появится в газете?

Она на это отвечает:

– Редакционная планерка уже была и материал решено пустить. Тем более, что есть еще одна статья, написанная одним доктором из Вашего института еще до собрания, в которой ставятся вопросы, находящиеся где-то в Вашей

статье ответы, так что обе статьи перекликаются и вместе с моим отчетом про ваше собрание служат тому провозглашенному сегодня нашей партией плюрализму. Такой материал из трех кусков на целую страницу и пойдет на полосу.

Мы договариваемся о том, что она мою статью подсократит, я завтра приеду и погляжу сокращенный вариант, а также статью доктора.

Приезжаю туда на следующее утро, гляжу – статья доктора в традиционном стиле и духе всех его предыдущих выступлений против нашего директора написана. В ней, вроде, даже все факты правильные (раньше случалось, что он и факты тоже подтасует), но очень уж восторг какой-то ощущается от того, что наш институт по всем швам от проблем трещит.

Я, например, глубокую скорбь и озабоченность ощущал бы, если бы мой дом горел или рушился. Такое может разве соседа какого-нибудь в злорадство привести. Если кому-то здесь перекличка видится, то лучше было бы мою статью от такого соседства изъять.

Тем временем мне начальница пропаганды разное рассказывает. Как сотрудники нашего института после нашего собрания ее по телефону обрабатывали. Те радеющие за будущее нашего института сотрудники, которые на собрании так скромно промолчали или вовсе не совсем знали, что они хотели сказать. Особенно один из них, который выступил на трибуне перед собравшимися так индифферентно, как будто у него на пути к ней было одно мнение, а на обратном пути – обратное. Некоторые при этом представлялись ей, некоторые – нет. Все они с большим жаром излагали ей свои принципиальные позиции – особенно те, кто представиться забыл или настойчиво хотел остаться анонимным. Боковой порыв ветра действовал похоже и дальше.

К этому она также добавляет, что все эти звонки так сбили ее с толку, что она вынуждена была позвонить председателю нашего собрания и будущего академического центра республики и спросить его, что случилось бы, если бы в газете вышел материал, направленный по сути против нашего сегодняшнего директора института. В том смысле спросила, как Он и Там вверху на это посмотрят.

– К нашей радости, – говорит она, – Он и Там вверху смотрят на это нормально и даже благосклонно.

В этом месте я лично снова никакой радости не испытал – мне даже совсем не по себе стало. Я с такими муками иду на этот гражданский подвиг, вижу себя уже великомучеником-дворником с метлой в руке и терновым венком на голове, спасшим-таки в последнюю секунду нашу демократию. А теперь представилось все в моих глазах совсем даже наоборот. Так представилось, что наш старичок-директор Им и Там вверху уже почти закопан, а тут я – естественно следуя моим принципам и высшим мотивам! – тоже спешу к этим похоронам со своей горсткой землицы. Не хуже, чем та знаменитая «*Sancta simplicitas*»¹ с ее дровишкой к костру, на котором сжигали Яна Гуса.

Директора, которого я как человека – выращивал бы он себе только розочки на его огороде! – и как коридорного демократа, где-то про себя даже люблю. Сейчас, знаете ли, многие партийные деятели и бюрократы такими

¹ «святая простота»

коридорными демократами заделались. Они еще издалика каждому мимо проходящему в коридоре руку тянут и радушно его приветствуют, хотя проходящий гражданин отчетливо ощущает, что они о его проблемах ничего не знают и знать не хотят. Наш директор, в отличие от них, делает это просто по его человеческой доброте душевной, хотя и он сегодня больше не знает, с чем ты к нему вчера приходил и чего он тебе всего – опять же по доброте душевной – наобещал.

– Все! – думаю себе. – Забираю статью назад!

Потом снова про наш не владеющий моим профессиональным аналитическим инструментарием народ вспомнил и говорю себе:

– Нет! Плюй на все это! Пусть даже тебя еще худший крест ожидает, чем ты думал! Пусть все тебя за подлеца считают, пусть все тебе в морду плевать будут, но спаси народ, чтобы он понял, что нельзя шутить с выборами и играть с понятием большинства!

Тем временем наливает мне начальница пропаганды вновь бальзам надежды на невыход статьи на мою растерзанную душу и рассказывает мне, что редактор их главный, у которого дочка и еще какой-то родственник тоже в нашем институте работают, сейчас в отпуске и, если он успеет из отпуска вернуться, то вывернет материал до неузнаваемости наизнанку или его просто снимет. Он правда еще неделю в отпуске, но она, вот ейчас прямо, тоже в отпуск идет, а материал будет некий ответственный секретарь дальше дорабатывать. Снова мне ситуация с орлом и решкой. С этой решкой я и отклонялся.

Ожидалось, что материал выйдет дня через три-четыре, то есть уже дней через десять после нашего собрания. Я раньше-то думал, что в газетах по их природе вообще чуть ли не завтрашние события печатаются. Эта моя вечная наивность!

Ну все же и это ничего. В моем случае это даже выгодно – все же еще одна передышка перед началом моего великомученичества. С одной стороны передышка, а с другой стороны снова три ночи и дни между ними не сплю. То танцующая от дикой радости метла иногда в бессонном бреду передо мной, как перед ведьмаком каким, маячит, то мнятся мне страшные картины, как все прохожие на улице мне в морду плюют.

На четвертый день звоню ответ-секретарю (они все почему-то всякий раз моей фамилией интересовались и ни разу мне своей не назвали, поэтому я и по сегодня ни их имен, ни их фамилий не знаю, кроме тех, что я потом в газете подсмотрел).

Отвечает он мне, что плохо дескать материал подготовлен был, и он его в отдел партийной жизни передал. Меня это немного удививляет, поскольку я-то видел – готовый материал. Но потом думаю:

– Может начальница пропаганды все же еще не везде – по крайней мере, с точки зрения этого секретаря – позвонила. Может они в «партийной жизни» моей помощи нуждаются – у меня же телефон дома, и я бы мог перенять и сделать за них эти звонки. Они занятые люди, да и материал тоже не их – зятанут еще дело с этими звонками до выхода Главного из отпуска на мою, на материала и на их собственную беду.

Звоню в «партийную жизнь» и предлагаю ей свои услуги.

– Все в порядке! – отвечает мне бодро «партийная жизнь». – Никакой помощи не требуется, мы Ваш материал только немного дорабатываем. Дня через три-четыре он выйдет.

Я спрашиваю тогда с таким плохо скрытым намеком:

– А ваш Главный когда из отпуска выйдет?

– Дня через три-четыре! – отвечает «партийная жизнь», значения моего намека однозначно не понимая.

– И все-равно материал выйдет дня через три-четыре? – пытаюсь я все же добиться понимания «партийной жизни».

– Почему бы и нет? – утверждает «партийная жизнь». – Материал хороший, ничего такого особого в нем нет, что бы ему не выйти дня через три-четыре!

Ладно. Не сплю еще три-четыре ночи. Даже, кажется, от болезни своей избавился. Ничего больше в голову не лезет и ничего там больше не анализируется и не синтезируется.

Дня через три-четыре звонит мне моя супруга с работы:

– Слыхала от моей подруги, что в газете про наш институт написали. Выходит, все же вышла твоя статья. Дуй в киоск, купи сразу пачку газет.

Это я жену утешал и ей рассказывал, что мы много газет купим и мою статью всем дарить будем. Особенно хорошо это будет на моих новых коллег-дворников действовать. Они тогда будут меня – как дворника-писателя – сразу уважать. Это же очень важно – на новой работе сразу уважение и авторитет заслужить. Ее – как жену дворника-писателя – они тоже потом почитать начнут.

Дую в киоск, беру пятьдесят на весь рубль. Прихожу домой, смотрю – в твою душу мать! – свой рубль совсем ни за что спалил. Вместо всего запланированного материала только отчет корреспондентши-пропагандистки в неузнаваемом виде напечатан. В прочитанном мной оригинале был более-менее беспристрастный и поэтому для нашей администрации не особо выгодный отчет о нашем собрании, а в газетном варианте он стал почти панигириком нашему директору.

Отчет о том, что там среди всех пяти и был-то всего один достойный этого поста кандидат, а именно – наш директор. Эта мысль проходит прямо в заголовке. Мы на собрании выдали в процентах вотум доверия всем пятерым, наши учителя демократии свои выборы еще не провели, а в газете уже и выбор сделан, так в заголовке и стоит «Один из пяти» и баста! Наш директор. Его программа самая, по мнению многих выступавших на собрании, лучшая и сам он самый лучший и достойный и, если уж он и понаделал каких-то ошибок, то лучше всего должен он же – кто же еще! – их и лучше всех знать и исправлять. Такого мнения – особенно среди выступавших – я лично не слышал, но то, что я слышал и про что написал, тут вовсе не стояло.

– Ну, – думаю, – дворником мне теперь точно быть, но лавровый венец гражданского героя можно сразу забыть.

Несусь в редакцию и прямо в «партийную жизнь»:

– Где, – спрашиваю, – моя статья?

– Вы понимаете, – отвечает представитель «партийной жизни», – он снял верстку прямо с полосы!

Я язык этой кухни понимать не хочу и распаляюсь еще больше:

– Что снимет – это я вам намекал, а сейчас я спрашиваю: дел куда?

– Ах, нет, никуда не дел. Вот она! – говорит он и протягивает мне мой вдоль и поперек исчерканный и измаранный оригинал.

– Я бы охотно хотел и перепечатки редакции забрать, чтобы одна из них в моей конторе не нарисовалась, поскольку я доверие к вашей газете потерял.

Тут соврал, конечно. Все же и началось с того, что я это доверие через эту статью только найти собирался. Он мне объясняет, что весь этот хлам является теперь уже собственностью редакции, а насчет доверия – это к главному редактору.

Я врываюсь к Главному, изнасиловав своей решимостью двух девочек-секретарш в его приемной:

– Поставьте мне, – кричу ему с порога, – вот тут на оригинале собственноручную визу про то, почему Вы мне в нашей народной трибуне отказали!

– Письменных виз про это не ставим! – отвечает мне мужик, оставаясь от моей быстро нарастающей до наглости решимости невозмутимым. – Но устно могу попытаться Вам это объяснить, если Вы мне еще и скажете, кто Вы, собственно, такой.

Объясняю ему, что я автор и представляюсь. Он, как мне уже привычно в этой редакции, отвечать тем же совсем не имеет ввиду и начинает – так кокетливо и немножко игриво улыбаясь только уголками губ – мне рассказывать, что он только вчера вернулся из отпуска и действительно снял сверстаный уже материал прямо с полосы.

– Потому что, – объясняет он мне дальше, – программа директора самая лучшая и, если он столько проблем наплодил, то он их и решать должен. Кроме того, дело все-равно уже большинством голосов решено, чего ж теперь кулаками махать!

Между тем он разные вопросы мне задавал – насчет соседства со статьей небезизвестного доктора из нашего института; насчет того, с чьей это подачи или даже по чьему заданию я решил такое написать и, недословно выражаясь, на чью это мельницу я чего-то лью...

Впрочем, на последнем вопросе, который, собственно, был лет пятьдесят-сорок назад типичным и играл для арестованных советских граждан очень решающую роль, настаивать не буду. Очень может быть, что мне – две недели неспавшему – это уже блазнилось наяву, настолько он меня огорошил авторитетностью своих идущих в этом направлении заявлений.

Про плюрализм, как сегодня это положено, тоже что-то сказал. Только как-то наоборот сказал. Так вывернуто сказал, что я чуть не подскользнулся на сухом полу. Что вот мол материал такой однобокий – только против директора и ничего за него:

– Это ж разве плюрализм, что вы тут устроили? – пытается он мне максимально доступно объяснить дальше, – Плюрализм – это когда в одной статье разные мнения представлены. А когда разных нету, то и статьи нету – это же понятно!

Тут я равновесие на этом скользком полу поймал и врезал ему со своей стороны про то, что он никаких программ не читал, чтобы я его тут слушал, про наше собрание не имеет ни малейшего представления, поскольку моей статьи тоже не читал, тогда как я как непосредственный участник все это знаю в совершенстве. Тут ему про свой инструментарий ученого добавил, чтобы он дальше не сомневался в качестве моего беспристрастного, объективного анализа. При этом у него снисходительность и кокетство немножко прошли.

Дальше изложил ему подробно историю моих сомнений, в особенности по части высокого, выясненного его начальницей пропаганды по телефону мнения Оттуда. В этом месте он стал почти совсем на нормального человека походить – лицом, по крайней мере.

Честно признаюсь ему также, что подача, собственно, прямо от Горбачева пришла, поскольку именно в его политических выступлениях я нашел то существенное для моего анализа. Под конец я еще сказал:

– Честно говоря, я сразу знал, что моя статья не пройдет.

После этого он начал про своих родственников в институте, что им там тоже не сладко приходится. Про однозначную линию обкома за нашего директора тоже что-то говорил, только теперь как-то неуверенно говорил. Потом заявил, вдруг, что эти выборы прошли, и по отношению к ним моя статья не представляет больше интереса, но, вообще, не в связи с этой темой, можно было бы ее опубликовать, перед этим соответственно подработав.

Одним словом, я понял, что человек еще свежий, от морского отпуска и пляжной жары еще не остывший и позвонить не везде еще успевший, что в наше, как я уже говорил, динамичное время может быть почти жизненно опасно.

Тут мне подумалось, что его коллеги со всяческими затяжками, наверное, на то и надеялись, что он не успеет никуда позвонить, а без этого не решится и материал с полосы снять. Материал вышел бы тогда в подписанном им как главным редактором номере, так что они сами ни за что бы не отвечали.

Когда я пришел потом домой и снова глянул в газету, то увидел, что газета за вторник, в которой был предусмотрен материал, действительно вышла за подписью этого главного редактора, тогда как воскресный номер – еще за подписью его заместителя. А в понедельник между этим был как всегда выходной в смысле невыхода газеты. После этого подтверждения я подумал, что вот с заместителем главного редактора мне в коллегам-дворниках никогда не ходить и даже где-то порадовался за него.

Потом сел и написал эту исповедь, поскольку дворником по всему видно мне рано или поздно все равно быть, да и страну все равно мне одному спасать придется, потому что спихнуть ответственность за страну на главного редактора и его заместителя я никак не могу – не те люди и отпущение грехов я вряд ли получу, спихнув это на них. Так что перепоручаю свою грешную душу на Ваш Высокий Суд.»

*